

Новое изд. - 2003. - 4-6 абе. - с. 18-19

В № 44 мы вернулись к неоконченному спору об авторстве «Тихого Дона». Поводом стала готовящаяся к выходу в свет книга израильского лингвиста Зеева Бар-Селлы. Сегодня — продолжение темы. Авторы статьи — Андрей и Светлана Макаровы — занимают ее уже давно. У них выходили книги, исследующие самую большую литературную тайну XX века: «Вокруг «Тихого Дона»: от мифотворчества к поиску истины», М., «Пробел», 2000 г. и «Цветок-Татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от М. Шолохова к Ф. Крюкову», М., АИРО-XX, 2003 г.

● Отдел культуры

Последний свидетель

В начале 1992 года мы опубликовали свою первую работу об авторстве «Тихого Дона» и тогда же выступили с рассказом об этом в программе ленинградского ТВ «Истина дороже». И вот после передачи неожиданно мы получили письмо от Александра Лонгиновича Ильского. Профессор, доктор технических наук, он в те далекие годы, «с конца 1927 г. по апрель 1930 г., еще молодым, работал в редакции «Роман-газеты»... техническим секретарем редакции». И вот что нам рассказал Александр Лонгинович:

«Я, очевидно, являюсь одним из последних участников

Как пригодились
белогвардейские
полевые
сумки
в ШОЛОХОВСКОМ
литературном
хозяйстве

Начинаются они прямо на первой странице с упоминания времени действия: «В последнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий...». Но последняя кампания — Балканская война 1877—1878 гг. — не подходит по возрасту персонажей (В действительности Прокофий возвращается с Крымской войны 1853—1856 гг.).

Заметив ошибку, Шолохов в издании 1941 г. исправляет на «предпоследнюю...», но в примечаниях к последующим изданиям продолжает лепетать о Балканской кампании 1877 г.

Выходит, что «автор» просто не представляет, когда же начинается действие

оправданная литературная практика.

Но случай Шолохова — особый. Заимствования в «Тихом Доне» возникают лишь с середины 4-й части и служат связками отдельных сюжетных линий и эпизодов, прикрывая разрывы в повествовании.

Как соотнести появление грубых ошибок с глубиной и достоверностью изображения жизни и исторического фона в романе? Например, Шолохов пишет (гл. 2, ч. VI) о казаках 12-го Донского полка, сражавшихся с петлюровцами под Старобельском. Полная чепуха. Весной 1918-го еще не было ни 12-го полка воссоздано (были станичные отряды и дружины), ни каких-

Андрей МАКАРОВ, Светлана МАКАРОВА

ШОЛОХОВ НАЧАЛ ПИСАТЬ

21 марта 1929 года Сталин принял решение, что автором «Тихого Дона» должен быть молодой пролетарский писатель

событий времен появления на свет произведения «Тихий Дон» в 1928 г. Я на четыре года моложе Шолохова М. А., и в тот период я часто встречался с М. А. Шолоховым, регистрировал его рукописи, сдавал в Машбюро их печатать и практически участвовал во всей этой кухне, как из Шолохова сделали автора «Тихого Дона».

Не только я, но и все в нашей редакции знали, что первые четыре части романа «Тихий Дон» М. А. Шолохов никогда не писал. Дело было так: в конце 1927 г. в редакцию М. А. Шолохов притащил один экз. рукописи объемом около 500 стр. машинописного текста...

Когда через год после выхода в свет романа возникли упорные разговоры и слухи о плагиате, главный редактор «РГ» Анна Грудская «собрала нас в редакции и сказала, что там... в «верхах» принято решение, что автором «Тихого Дона» должен быть молодой пролетарский писатель М. А. Шолохов... Шолохов в то время был молодым человеком, он часто бывал в редакции, я много раз с ним говорил, он был скромный, веселый, хороший наездник, но он никогда в разговорах не говорил о «Тихом Доне». В редакции мы все знали, что эта рукопись как-то попала к нему. Но что это был не Шолохов, это у нас знали все... У нас в редакции всегда крутилась целая компания так называемых молодых пролетарских писателей, произведения которых никто не печатал. Они, конечно, страшно завидовали Шолохову. Почему выбор пал на него? А не на кого-либо из них? Я думаю, что большинство из них, не моргнув глазом, согласились бы стать автором «Тихого Дона». Но выбор был сделан...»

Обстоятельства создания романа и выхода его в свет скрыты горами лжи и мистификаций, которые сопровождали Шолохова в течение всей его жизни. Чего стоит хотя бы вопрос о дате его рождения. Юбилей («столетие») намечено отпраздновать в 2005 г., хотя давно документально установ-

М. А. Шолохов в своем кабинете. Ст. Вешенская. 1955 г.

лено, что возраст Шолохова в 1922 году был уменьшен, чтобы «отмазать» (как говорят сегодня) молодого «налогового инспектора» от тюрьмы, которая грозила ему за участие в махинациях. (Заметим, кстати, что на могильной плите в Вешенской ни даты рождения Шолохова, ни даты рождения его жены вы не прочтете — их там нет.) Поэтому в поисках решения загадки «Тихого Дона» мы обратились к изучению прежде всего текста романа.

«Последняя турецкая кампания»

Первое, что предстояло выяснить: был ли написан «Тихий Дон» одним человеком, или же в его создании на разных стадиях участвовали двое и более авторов. Ключ к его решению мы нашли, анализируя множество грубых ошибок, встречающихся в романе.

его собственного повествования. (Подобных примеров — множество, с ними можно ознакомиться в нашей книге «Цветок-Татарник. В поисках автора «Тихого Дона»: от М. Шолохова к Ф. Крюкову».)

Шолоховские «заимствования» в «Тихом Доне»

Большая часть ошибок появляется там, где в текст вставлены заимствования из ряда мемуарных книг (генералы Лукомский, Деникин и Краснов, Антонов-Овсеенко, Френкель, Какурин) и вызваны неправильным согласованием этих заимствований с основным текстом. Само использование писателями исторической литературы в художественных произведениях — давняя и вполне

либо петлюровцев — Украина была оккупирована и находилась под полным контролем немцев. А сами бои происходили, но уже после краха Германии, в конце 1918 г. Шолохов, следовательно, произвольно вставил взятый откуда-то фрагмент на случайное место. Понимал ли он хорошо смысл того, что писал или переписывал?

Введенные в текст шолоховские заимствования нарушают единую хронологию повествования. Шолохов бездумно использует даты заимствуемых текстов, не обращая внимания на календарный стиль (старый или новый), хотя даты основного художественного текста даны по старому стилю! Благодаря этому в нескольких случаях у Шолохова в романе возникают различные датировки одного и того же события!

Например, казнь Подтелкова в основном тексте да-

Скульптурная группа, символизирующая встречу Григория и Аксиньи

«ТИХИЙ ДОН» В СЕМЬ ЛЕТ?

тирована вторым днем Пасхи (в 1918-м — 23 апреля ст. ст.), а из Френкеля в заимствуемый фрагмент попадает дата казни **28 апреля!** Поразительный случай — невменяемый автор, не отдающий отчета в том, какие тексты выходят из-под его пера!

Автор и соавтор

Все это позволяет предположить существование двух отличающихся друг от друга **слов текста**. В основной части художественного текста, не прерываясь и не разрывая единой системы образов, тянется художественная нить романа, захватывая читателя с первых строк повествования.

Другой слой — вставные «главки», фрагменты, эпизоды, которые выполняют **вспомогательную роль** и заметно выделяются из общего повествования, вобрав в себя большинство грубых фактологических и хронологических ошибок.

Логическая завершенность отдельных фрагментов основного текста, сила создаваемых образов основываются на глубоких наблюдениях автора, хорошо знающего жизнь и людей. А его личный внутренний духовный опыт осмысления происходящего сплавляет в неразрывное целое отдельные эпизоды и главы, создавая неповторимую картину самой эпохи.

Все это не имеет ничего общего с представлениями и знаниями начинающего литератора, автора «Донских рассказов», пробующего свои силы на литературном поприще, с его равнодушием к освободительной борьбе казачества, с политической

тенденциозностью, грубостью языка.

Можно уверенно утверждать, что в работе над текстом «Тихого Дона» участвовали по крайней мере два человека. При этом роль одного из них могла быть лишь чисто внешней, механической — ролью компилятора и редактора, но никак не создателя, не автора основного художественного текста, которому книга обязана мировой славой и признанием.

Полевые сумки

А что же сам Михаил Александрович? Шолохов однажды проговорился. В 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) он ясно выразил свое понимание процесса литературного творчества: «В частях Красной Армии... будем бить врага... и смею вас уверить, товарищи делегаты съезда, что полевых сумок бросать не будем — нам этот японский обычай, ну... не к лицу. **Чужие сумки соберем...**»

В редакции «Роман-газеты» в конце 20-х все знали, что рукопись этого романа как-то попала к Шолохову. Молодые пролетарские писатели возмущались, почему выбор пал не на них

потому что в нашем литературном хозяйстве содержимое этих сумок впоследствии пригодится. Разгромив врагов, мы еще напишем книги о том, как мы этих врагов били...»

А ведь точно сказал: «сберем...» и «напишем...». Вот уж язык не дал соврать! Случайно ли проговорился Шолохов или специально — мы не знаем. Но сами шолоховские слова знаменательны: он публично, во всеуслышание указал на источник своего литературного «творчества» — **чужие полевые сумки**.

Можно ли, исходя из текста «Тихого Дона», определить время работы над ним автора?

В первых двух частях романа вообще нет ни одной явной даты какого-либо события, в лучшем случае можно встретить ту или иную дату православного календаря (Покров, Пасха и т. д.).

Вот, например, вскоре после свадьбы Григорий Мелехов со своей молодой женой выезжает «за три дня до Покрова» в степь пахать. Григорий уже чувствует охлаждение отношений с молодой женой, а для контраста как параллельный фон автор рисует картину внешнего раннего похолодания: «Перед светом Григорий проснулся. На зипуне на два вершка лежал снег. В мерцающей девственной голубизне свежего снега томилась степь...». В конце сентября донская степь вдруг замерзает, покрывшись выпавшим снегом! Что это — выдумка автора, метафора?

Ранний снег на Покров — далеко не единственное упоминание тех или иных природных явлений в «Тихом Доне». Так, например, попытка самоубийства Натальи

Коршуновой происходит в Страстную субботу — одновременно с началом ледохода на Дону. А начало романа, отъезд казаков в лагерь в самую жару, приходится на Троицу. Причем в каждом случае дается не только описание природного явления, но и сообщается множество сопутствующих факторов.

Например, снег на Покров сменяется длительной оттепелью: «С неделю тянул южный ветер, тепло, отходила земля, ярко дождела в степи поздняя мшистая зеленка. Ростепель держалась до Михайлова дня...».

Оказалось, что описание всех упоминаемых в тексте природных явлений достоверно. Все они действительно имели место: ранний снег на Покров, последующая оттепель, начало ледохода накануне Пасхи, сопровождавшейся дождливой пасмурной погодой, жара на Троицу и дожди двумя неделями позже! Но происходили они не в годы, которыми традиционно датируют шолоховский роман (1912—1913), а раньше, в 1911 — 1912 гг. Реальные события сдвинуты на один год, как если бы в тексте был вырезан из повествования последний предвоенный 1913 год.

Непосредственность и глубина изображения природы автором «Тихого Дона» таковы, что мы можем не просто предполагать в нем очевидца событий: раннего выпадения снега, вскрытия Дона, бурных, разливавшихся весенних потоков в степи на Вербное воскресенье... Картины живы и точны. Это означает, что эпизоды первой и второй частей «Тихого Дона» созданы сразу либо вскоре после изображенных событий: начало работы автора над романом следует отнести примерно к 1911 г. Естественно, что любые попытки как-либо связать М.А. Шолохова (ему было тогда менее восьми

лет!) с созданием текста первых частей просто неуместны.

Галиция или Восточная Пруссия?

Другое важное наблюдение было сделано при изучении военных эпизодов III части романа. Григорий Мелехов вместе с другими казаками своего хутора сражается с неприятелем на полях Галиции. Но, оказывается, в тексте встречается ряд эпизодов, в которых речь идет о боях в Восточной Пруссии. «Лучше б погиб ты где-нибудь в Пруссии, чем тут, на материнских глазах!» — мысленно с укором говорил брату Григорий...» в самом начале Верхнедонского восстания 1919 г. Удивительно здесь то, что в Восточной Пруссии ни один из казачьих полков, формировавшихся в Верхнедонском округе, не воевал!

Откуда же тогда появилось в тексте упоминание Пруссии? Подобное «раздвоение» военных эпизодов и перескоки с галицийской версии фронтовых событий на восточнопрусскую встречаются в романе во всех сюжетных линиях (и у Петра Мелехова, и у Листницкого, и в дневнике «неизвестного казака») на протяжении почти всего повествования.

Поразительное явление — заявленный автор на протяжении полутора десятилетий работы над романом так и не смог «узнать», на каких фронтах сражались его герои!

А разгадка этого парадокса, созданного Шолоховым, оказалась очень интересной: мы имеем дело с двумя разными вариантами одного и того же текста романа, с его двумя редакциями, которые отличаются местом военной службы казаков хутора Татарского.

Дело в том, что на Дону была своя особая система комплектования казачьих полков: каждая станица посылала служить своих казаков только в определенные полки своего округа. В Восточной Пруссии воевали казаки другого округа, Усть-Медведицкого (откуда, кстати, родом был Федор Крюков!)

Хронологически восточнопрусская редакция на страницах романа пересекается практически с началом восстания. Или, иначе говоря, **начало восстания повлекло за собой переработку автором текста «Тихого Дона»** такую, что автор романа перенес свое повествование и поместил его в эпицентр будущего восстания. Такая эволюция в работе над текстом возможна в единственном случае — когда автор создает свое произведение параллельно, синхронно с событиями, которые он описывает. Следовательно, в основе большей части текста «Тихого Дона» — первых пяти частей, вплоть до середины шестой части — **лежит текст неизвестного автора, написанный до начала вешенского восстания, во всяком случае, не позднее зимы 1919 г.** Только этим фактом можно объяснить наблюдаемые в тексте переходы от одной версии сюжета к другой.

Когда создавалась ранняя редакция «Тихого Дона», автор еще не знал о том, что в конце зимы 1919 г. разразится вешенское восстание, и поэтому поместил своих персонажей в иные места обитания со своим первоначальным замыслом.

Шолохов же лишь механически, компилятивно объединил текст обеих авторских редакций, совершенно

не понимая возникавших при этом принципиальных расхождений и внутренних противоречий. Невозможно представить разумное объяснение столь многочисленных «перескоков» от одной версии сюжета к другой и обратно, если предполагать, что текст «Тихого Дона» создавался в двадцатые годы последовательной работой лишь одного автора — Шолохова.

Психологическая ловушка

Сегодня сомнения в авторстве М.А. Шолохова не приемлют многие литераторы, ученые-гуманитарии, просто читатели. Вопреки логике, здравому смыслу, многочисленным и разнообразным фактам и доказательствам ничего не желают слушать на эту тему. Почему? Ответ лежит за пределами литературы или науки.

Для подобных людей сомнения в авторстве Шолохова, считавшегося в советское время классиком пролетарской литературы, означают нечто большее, чем просто научный, академический вопрос «кто написал?». **Ложность кумира**, которому поклонялись, под сенью которого жили многие годы, ведет к переоценке собственной жизни, принципов, на которых она строилась.

Не Шолохов они защищают, а себя, свое право на беспринципность и конформизм.

Недавно в Ростове сын нобелевского лауреата опубликовал важный и неизвестный ранее документ — письмо М.А. Шолохова от 23 марта 1929 года.

Начало работы автора над романом следует отнести примерно к 1911 г. М.А. Шолохову тогда было меньше восьми лет

В нем впервые упоминается о состоявшейся 21 марта встрече Шолохова со Сталиным, во время которой вождь и закрепил окончательно авторство «Тихого Дона» за молодым пролетарским писателем. Сталиным, очевидно, было продиктовано и то письмо «пролетарских писателей», которое угрозой уголовного преследования на долгие десятилетия заткнуло рот всем скептикам. А скептиков в те далекие годы было предостаточно.

«Писатели из «Кузницы» Березовский, Никифоров, Гладков, Малышкин, Санников и пр., — пишет в своем письме Шолохов, — *людишки с свалочной душкой* сеют эти слухи и имеют наглость публично выступать с заявлениями подобного рода. Об этом только и разговору везде и всюду...»

Во многих смертных грехах обвиняли «защитники Шолохова» тех, кто пытался разобраться в загадках нашего советского прошлого. Александра Солженицына, например, — в простой зависти к нобелевскому лауреату. А теперь оказалось, что Александр Исаевич просто восстановил в 1974 г. традицию пролетарских писателей 1928 года — «публично выступать с заявлениями подобного рода».

А вот нынешние защитники Шолохова — имя им легион — продолжают в наше время традицию иного рода.